

«Голубая бездна» была так популярна, что я чувствовал себя Микки-Маусом»

Известия - 2005
- 4 марта - с. 22

В Ханты-Мансийске завершился III фестиваль «Дух огня», почетным гостем которого стал Жан-Марк Барр, прославившийся ролью прирожденного ныряльщика в фильме Люка Бессона «Голубая бездна». Но своим режиссером Жан-Марк Барр считает не Бессона, а Ларса фон Триера. После появления «Догмы» он сам занялся режиссурой и выпустил 4 фильма. «Трилогия свободы» («Любовники», «Слишком много плоти» и «Просветление») была показана в России. С Жан-Марком Барром побеседовала корреспондент «Известий» **Анна Федина.**

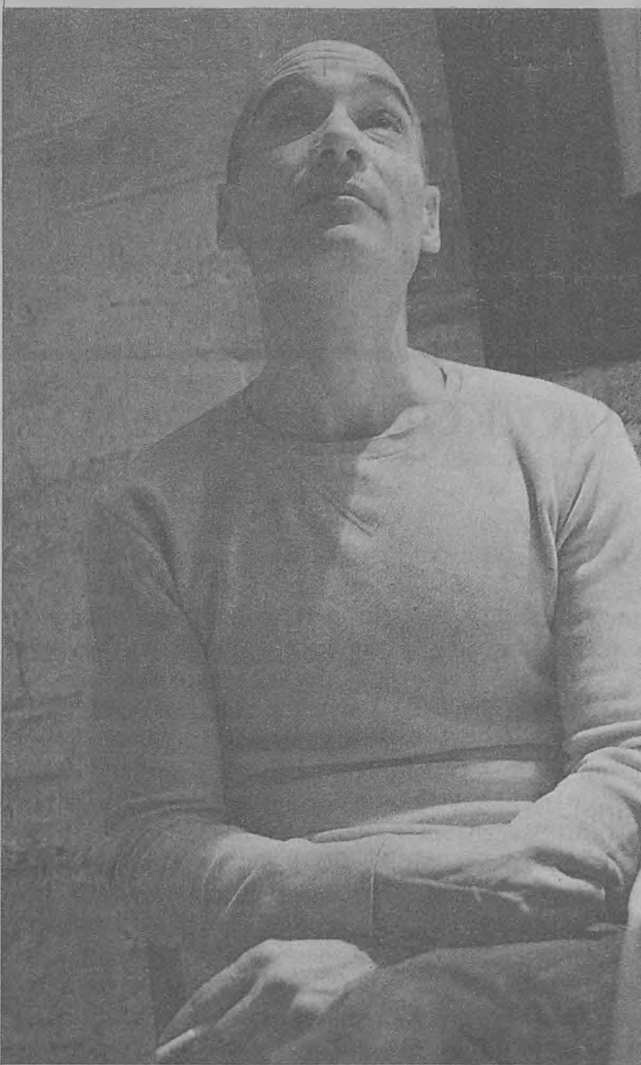
**«Десять минут на папу,
десять минут
на «Оскара» — fucking news!»**

ИЗВЕСТИЯ: Чем вы занимались на фестивале?

ЖАН-МАРК БАРР: Бродил, улыбался, фотографировался, ужинал, встречался с друзьями, коллегами, дистрибьюторами. Познакомился с картинами Сокурова и Германа. «Возвращение» посмотрел. К сожалению, до Франции доходит слишком мало русских фильмов. А еще в аэропорту по телевизору показывали советскую картину, наверное, 40—50-х годов. Речь шла о войне, и лента наверняка была пропагандистская, но качество черно-белой картинки и игра актеров меня поразили.

ИЗВЕСТИЯ: Какие ограничения мешают жить вам, режиссеру «Трилогии свободы»?

БАРР: В сущности, мы оказались в той же ситуации, в какой находились советские деятели культуры в 60—70-х годах. Только им мешал работать социализм, а нам — капитализм. Сейчас культура направлена на то, чтобы развлекать максимальное количество зрителей, а это существенно снижает качество произведений искусства. Один «Человек-паук», захвативший американские кинотеатры, чего стоит. Или церемония вручения «Оскара», которая превратилась в энтэвэшное шоу. Если же ты хочешь сказать то, что тебя по-настоящему волнует, тебе никто не заплатит денег и ты умрешь с голоду.

ИЗВЕСТИЯ: Вы смотрели оскаровскую церемонию?

БАРР: Нет, мне становится физически плохо при виде актеров и режиссеров, ласково похлопывающих друг друга по плечу, а на самом деле делящих деньги. Я не говорю, что это плохо, но я не смотрю никакие церемонии и считаю, что таким образом становилось чуть более независимым от общества. Я не включаю телевизор и не вожу машину. Правда, в России я все-таки изредка смотрел новости Би-би-си. И что же? В течение недели главной новостью была болезнь папы, вторым по важности событием считалось вручение «Оскара». Этому уделялось 10 минут из получасового выпуска — fucking news!

**«Люк Бессон, по-моему,
наглядный пример поглощения
Америкой Европы»**

ИЗВЕСТИЯ: В «Любовниках» герои расстаются по вине закона. Вы анархист?

БАРР: Нет, я просто отстаивал человеческие ценности. К тому же я, не видя войны в Югославии, чувствовал, как она отражается на мне, живущем во Франции, и решил снять об этом фильм. И еще одна причина: я хотел снять кино в стиле «Догмы», чтобы вдвоем с напарником писать сценарий, самому держать камеру, монтировать, а потом продюсировать фильм. Только в этом случае я ощущаю на картине отпечатки своих пальцев. Я счастлив, что сумел одним из первых освоить новые технологии: мы сняли три фильма за три года. Мы снимали в Европе, Америке, Индии, и нигде нас не воспринимали серьезно, а, оказываясь, сделать кино не сложнее, чем щелкнуть пальцами. Мы доказали французской системе кинематографии, что прекрасно без нее обходимся. Правда, после этого они создали нам невозможные условия для работы. Отняли у нас старых спонсоров, а новых мы не нашли. Для

съемок нам не нужны сотни миллионов, как в Америке, или десятки, как в Европе, нам хватит \$100 000, но и этого нам не дают.

ИЗВЕСТИЯ: Почему?

БАРР: Продюсеры хотят на нас влиять. Как вы думаете, почему во Франции нет ни фон Триера, ни Альмодовара, ни Кустурицы? Потому что мы снимаем кино для телевидения, которое вкладывает большие деньги в производство фильмов и диктует свои условия режиссерам. Даже «Долгая помолвка» Жан-Пьера Жене была снята американской, а не французской кинокомпанией. Кстати, 20 лет назад рынок независимого в том числе и европейского, кино в Америке составлял 4%, сейчас он сократился до доли процента. А все потому, что крупные компании — такие, как Fox или Warner Brothers, открыли свои филиалы в Европе, и теперь фильмов, созданных без американского участия, почти не осталось. Когда Ларс фон Триер снял «Рассекая волны», фильм показывали 3 американских кинотеатра, «Танцующую в темноте» — 5 кинотеатров. Как тут можно соревноваться с однообразными голливудскими блокбастерами, которые выходят в прокат по 3000 копий и тратят по \$30 миллионов на промоушн?

ИЗВЕСТИЯ: Но можно попытаться счастья в Европе?

БАРР: Сейчас вопрос поставлен ребром: останется ли Европа Европой или станет Америкой? Если Штаты все-таки поглотят Европу, Ширак окажется в тюрьме, а нам останется только надеяться на то, что мы разделим судьбу Высоцкого, который записывал одну кассету, а она потом проходила через миллионы рук. Возможно, дело дойдет до того, что мы будем снимать фильмы за \$20 000, записывать их на DVD и разъезжать по крупным городам, лично продавая свое кино, чтобы хотя бы вернуть вложенные деньги. На данный момент Европа вкладывает деньги в кинематограф не для того, чтобы он создавал что-то новое, а чтобы просто держался на плаву, иначе миллионы людей потеряют работу. Мы находимся в той же ситуации, в какой оказались кинематографисты в конце 1920-х годов, когда в кино появился звук. Те, кто не смог приспособиться к новым технологиям, сгинули.

ИЗВЕСТИЯ: Говорят, вы не любите вспоминать о «Голубой бездне».

БАРР: Я бы так не сказал. Я тогда приобрел громадный опыт, и вообще жил великолепной жизнью. Мой отец — американский офицер, попал в Европу, женился на француженке и сделал меня. Так что в те времена я был одним из немногих, кому была доступна жизнь и в Европе, и в Штатах. Я гулял по Парижу, встречался с красивыми женщинами, но мог послать все к черту и уехать в Сан-Диего. Единственная проблема: фильм был настолько популярен, что я чувствовал себя Микки-Маусом. Мне не хотелось остаться на всю жизнь актером одной роли, поэтому решил отодвинуть этот фильм подальше. И потом у нас не сложились отношения с Люком Бессоном. По-моему, он — наглядный пример того, о чем я говорил: поглощения Америкой Европы. Сейчас он правит бал во французском кино, но я не хочу иметь с ним ничего общего.

**«Фон Триер любит меня за то,
что я не актер»**

ИЗВЕСТИЯ: Вы крестили детей фон Триера. Вы часто общаетесь?

БАРР: Да. Ларс для меня европеец, я сам стараюсь быть европейцем. Не французом, а именно европейцем. Мы все были такими на съемках «Рассекая волны», когда люди разных национальностей говорили на английском языке и чувствовали себя одной семьей. Для меня именно «Рассекая волны» и «Европа» являются главными фильмами в жизни.

ИЗВЕСТИЯ: О чем вы разговариваете с Ларсом?

БАРР: Последний раз я рассказывал ему об английском судье, который так разозлился на футболиста, что швырнул свисток на землю. Потом он понял: если бы игрок сделал то же самое, он показал бы ему красную карточку. Тогда судья достал карточку, показал ее себе и покинул поле. Мне показалось это забавным: я тоже иногда показываю себе красную карточку и удаляюсь. Вот о таких глупостях мы и беседуем.

ИЗВЕСТИЯ: Вы могли бы охарактеризовать его одной фразой?

БАРР: Нет, потому что мы все-таки представители разных ментальностей. Для меня энергичность значит одно, для него — другое. У Ларса великолепное чувство юмора, но он может провести несколько месяцев в ужасающей депрессии, потому что на него вдруг находит страх, что он умрет от рака. Хотя никаких признаков болезни нет. У фон Триера есть несколько черт, которые я уважаю, но понять не могу. Мы очень разные, поэтому интересны друг другу. И еще мне кажется, что он любит меня за то, что я не актер.

ИЗВЕСТИЯ: Почему вы не считаете себя актером?

БАРР: Я не воспринимаю эту работу серьезно. Я развлекаюсь. Каждый год я снимаюсь в одном американском фильме, в котором я закрываю дверь, машу рукой, целую девушку. И эти четыре дня работы обеспечивают меня на оставшиеся 12 месяцев, которые я трачу на то, что мне нравится. Например, снимаю кино.